

В ПРОСТРАНСТВЕ ГЕНДЕРНОЙ ИСТОРИИ

Ю. С. ОБИДИНА

И ВСЕ-ТАКИ АДАМ И... ЕВА: ГРЕЧЕСКАЯ ЖЕНЩИНА В СВЕТЕ СОВРЕМЕННЫХ ГЕНДЕРНЫХ ПОДХОДОВ

Автор предлагает пересмотреть упрощенное представление о типах мужчин и женщин в древней Греции¹. Выделяются устойчивые гендерные схемы, анализ которых позволяет говорить о неоднозначности сложившихся стереотипов восприятия человека по принципу пола в Античности. Репрезентация мужских качеств как положительных, а женских – как ущербных объясняется не столько отражением действительности, сколько репрезентативностью источников.

Ключевые слова: *гендерные исследования античности, гендерная история, греческая женщина, греческий социум*

Сегодня гендерные исследования и гендерная история занимают почетное место у исследователей прошлого. Методология и проблематика гендерной истории разрабатывалась в рамках широкого междисциплинарного сотрудничества представителей практически всех социально-гуманитарных наук, причем «реализация тех возможностей, которые открыл гендерный анализ, была немислима без его адаптации с учетом специфики исторических методов исследования и генерализации, без тонкой притирки нового инструментария к неподатливому материалу исторических источников»².

Так сложилось, что гендерная история Античности своими корнями уходит гораздо глубже, нежели гендерная история в целом, поскольку уже в XVIII в. высказывались некоторые соображения и о положении женщины в Древней Греции, и о взаимоотношениях между полами³. Но гендерный подход позволил посмотреть на далекое прошлое другими глазами и проверить давно изученные источники на неисчерпаемость⁴.

Источниковая база имеет важное значение для изучения гендерной истории, особенно если учесть, что на уровне символической репрезентации (в мифах, образах, изображениях и т.д.) женщины в источниках пред-

¹ Название настоящей публикации отсылает к статье И.Е. Сурикова «Адам и... Адам (К вопросу о специфике гендерных ролей в условиях античного полиса)». См.: Суриков. 2006. С. 23-47.

² Ретина. 2011. С. 508.

³ Селиванова. 2007. С. 7.

⁴ Подробно о гендерных исследованиях в антиковедении см.: Селиванова. 2007.

ставлены очень хорошо, однако их действительное социальное положение, повседневная и частная жизнь восстанавливаются с трудом⁵. Не случайно исследователи считают, что реконструировать можно только представления мужчин о женщинах и мужские фантазии⁶. С отечественными исследователями солидарны и зарубежные авторы⁷. Британский социолог Хилари Грэм отметила, что женская история измерялась в рамках обзоров, разработанных на основе мужских жизней⁸. Еще одна британская исследовательница, Розалинда Эдвардс заметила, что все еще предпринимаются попытки вместить женские жизни в мужские теории, подобные попытке «вместить круглую затычку в квадратное отверстие»⁹.

В данной статье мы попытаемся показать, что женщина играла в истории Античности вовсе не те роли, которые мужчины тщательно для нее прописали. И чтобы избавить себя от несправедливого упрека в предвзятом феминизме, призовем в свидетели не только источники, не только мнения современных гендерных исследователей, но и мнения так называемых историков-классиков. Кроме того, следует оговориться, что рассмотренные в статье положения касаются, в силу объективных причин, афинских женщин.

Как и в большинстве областей древней истории, из-за ограниченности источников мы можем только обобщать сведения о месте и роли женщины в Древней Греции. Большинство дошедших до нас свидетельств литературные, и исходят они от мужчин, которые, естественно, не знали, на что это было похоже – жить так, как живут женщины. Некоторые поэты, в частности, Гесиод и Симонид¹⁰, утверждали, что удел женщины в мире – не более чем проклятие человечества¹¹. Данные дра-

⁵ Так, И.Е. Суриков отмечает, что «во всех тех из этих памятников, где вообще удается обнаружить, на эксплицитном или имплицитном уровне, какую-либо гендерную идеологию, картина вполне однозначна: перед нами снова и снова пресловутая «маскулинная идеология», без каких-либо оговорок. Исключения не составляют даже произведения авторов-женщин. Есть все основания полагать, что такое положение с источниковой базой не случайно а, напротив, репрезентативно отражает действительно имевшую место ситуацию. Перед нами – сугубо “маскулинный мир”, в котором для женщин уготована специфическая ниша, и уготована она, если можно так выразиться, по “остаточному принципу”: представительницам “прекрасного пола” было дано то, что по какой-либо причине не взяли на себя мужчины». См.: Суриков. 2006. С. 27.

⁶ Селиванова. 2007. С. 10.

⁷ Smith. 1987; Finch, Groves. 1983; Graham. 1991. P. 61-78.

⁸ Graham. 1983. P. 132-147.

⁹ Edwards. 1990. P. 477-490.

¹⁰ Обидина. 2011.

¹¹ Для стихов Симонида характерен типичный для Греции VII-VI вв. до н.э. взгляд на женщину, что отражено даже в законах Солона.

мы¹² и эпоса представляют разительный контраст¹³ со взглядами поэтов. Художники и скульпторы часто изображают женщин с большой симпатией, а эпитафии говорят о женщинах как любимых женах и матерях.

Можно сказать, что сегодня положение женщины в древнегреческом обществе воспринимается как некая фундаментальная метафора, неустранимая и исторически непреодолимая. По мнению В. Вжосека, отказ от такой метафоры «означал бы невозможность взаимопонимания в границах культуры»¹⁴. Однако наметились и определенные подвижки, связанные, в первую очередь, с применением гендерного подхода.

Общеизвестно, что в древнегреческом обществе богини играли не менее значимую роль, чем боги. Отсутствие самостоятельной жреческой касты предписывало всем без исключения гражданам принимать участие в гражданском культе и поклоняться богам и богиням. При этом многие богини, такие как Афина, Деметра играли весьма важную роль в жизни древнегреческого социума. Традиция представляет многих богинь как волевых и целеустремленных женщин. Но могла ли традиция представить их таковыми, если их не было в реальной жизни? Традиционно важная роль богинь в древнегреческом менталитете объясняется переходной стадией от матриархата к патриархату, которая нашла отражение в греческой мифологии¹⁵. Но ведь и в уже вполне сложившемся патриархальном обществе роль богинь была так же высока. Возможно, этому есть и другое объяснение. Поскольку лишь немногие женщины в древнем мире

¹² Иероним в своих «Исторических записках» сообщает, что, когда некто сказал Софоклу, будто Еврипид является женоненавистником, тот ответил: «В своих трагедиях, да, зато они очень нравятся ему в постели». У трагиков, особенно у Еврипида, мы встречаем сотни нападок на женский пол, которые могут быть собраны под эпиграфом: «Похоронить женщину лучше, чем жениться на ней». «Теперь я вижу, Еврипид – мудрейший из поэтов. Ведь он про женщину сказал, что твари нет бесстыдней... Зверя нет сильнее женщин ни на море, ни в лесу. И огонь не так ужасен, и не так бесстыдна рысь... Вот и видно! Потому-то и воюешь ты со мной? А ведь мы с тобой могли бы в нерушимой дружбе жить... Вечно женщин ненавидеть обещаю и клянусь!» (Аристофан. Лисистрата, 368. Пер. А. Пиотровского). См.: *Лухт*. 1995. С. 37.

¹³ Уже в древнейших литературных текстах брак, а с ним и женщина описываются с сердечностью и симпатией. В качестве примера можно привести знаменитую сцену прощания Гектора с Андромахой из «Илиады» (VI, 392-496). Сложно представить, что женщина, которой Гомер посвящает столь трогательную, возвышенную сцену прощания, была жалким, презираемым созданием, влачащим растительное существование. Однако не стоит забывать, что все сказанное о браке в гомеровскую эпоху относится только к жизни людей выдающихся – царей и аристократии, и нам почти ничего не известно о том, в каком положении находились женщины низших классов.

¹⁴ Вжосек. 2012. С. 34.

¹⁵ См.: Лосев. 1957.

умели читать и писать, большая часть нашей информации об их жизни приходит к нам и фильтруется глазами мужчин. Часто в их текстах и речевых оборотах обнажается бессознательное, что свидетельствует о борьбе сознания со сложившимися гендерными стереотипами.

Знаменитому выражению Аристотеля, что мужчина по своей природе превосходит женщину, и поэтому мужчина должен управлять, а женщина должна быть исключена из управления¹⁶, можно противопоставить слова Демосфена: «Мы держим гетер ради удовольствия, женщин-рабынь для нашего ежедневного ухода и жен, чтобы дать нам законных детей и быть хранительницами наших домашних хозяйств»¹⁷. На первый взгляд, два эти высказывания лежат в разных плоскостях, первое – в сфере общественной, которая традиционно в Древней Греции всецело принадлежит мужчинам, второе – в сфере частной, традиционно отводимой женщинам. Но это только на первый взгляд.

Дихотомия общественного и частного, безусловно, сыграла свою роковую роль в формировании древнегреческой ментальности. Если отбросить то обстоятельство, что женщины в древности говорят мужскими устами, то сами женщины не очень-то высокого мнения о себе: «Я всего лишь женщина, вещь, которую мир ненавидит»¹⁸; «Нет лекарства от яда женщин, он хуже, чем у рептилий. Мы – проклятие для человека»¹⁹. И возражения о том, что эти слова принадлежат Еврипиду, одному из самых «ярых» женоненавистников древности, также не спасают ситуацию, ибо ему вторит Гиперид: «Женщина, которая путешествует за пределами дома, должна быть достаточно стара, чтобы люди спрашивали, чьей матерью, а не чьей женой она является»²⁰.

Возможно, эти две плоскости – общественное и частное, пересекаются в словах Перикла. В погребальной речи он сказал: «Репутация женщины тем выше, чем меньше мужчина говорит о ней, будь то хорошее или плохое»²¹. Быть может, традиционное отношение к женщине как к «Другому», установившееся еще в XIX в., затмило понимание истинного смысла слов, сказанных лидером афинской демократии? Мужчины так мало говорят о женщинах по причине... уважения к ним?

Ярким выражением греческой ментальности является мифология. Мифы о творении могут рассказать многое о мировоззрении и об окру-

¹⁶ Aristotle. Politics,

¹⁷ Demosthenes. Apollodorus Against Neaera, III, 122.

¹⁸ Euripides. Hippolytus, 622.

¹⁹ Euripides. Andromache, 93-94.

²⁰ Hyperides. Fr. 204

²¹ Thucydides. 2.45.2

жающем мире. В иудео-христианской версии мифа о творении Адам был первым человеком, которому бог создал женщину в качестве спутницы, т.е. равноправного партнера. За съеденный плод с Древа Познания Добра и Зла Адам и Ева были изгнаны из райского сада в мир скорби и тяжелого труда. Обращает на себя внимание также тот факт, что и мужчина, и женщина были созданы из одного материала. Ева была создана на пользу мужчине, а когда выступила в роли искушителя, мужчина был добровольным участником преступления, которое привело их к изгнанию из рая. Греческая же история совсем другая. Гесиод пишет, что женщины возникли из первой женщины, Пандоры²². Напомним, Пандора – «подарок» человеку от разгневанного Зевса, была создана в кузнице Гефеста и выращена Афиной. Этот эпизод уже наводит на размышления. Во-первых, нехарактерностью для античной мифологии способа происхождения Пандоры. Она не только не рождалась в привычном смысле этого слова, но и ее родители, Гефест и Афина, никогда не вступали в сексуальный союз. Кроме того, Афина – богиня–дева, неуязвимая для стрел Эроса наряду с Артемидой и Гестией. Таким образом, Пандора (и, следовательно, женщина) была изначально неестественна по своей природе. Внешне она прекрасна и неотразима для мужчин, но скрытые качества, составлявшие ее истинную сущность, несли человеку горе, страдания и болезни.

Это отчетливо проявляется уже в эпосе. В «Одиссее» описаны несколько женских персонажей, правда лишь один из них является женщиной смертной. Остальные были нимфами, бессмертными существами, но статусом ниже, чем у богинь. Они варьировались в личностных качествах и привлекательности, но все они несли угрозу любому встречному. Нимфа Харибда превращалась в водоворот, который уничтожал корабли, пытающиеся пройти мимо. Нимфа Сцилла с шестью головами и восемнадцатью рядами зубов съела шесть спутников Одиссея. Сирены искушали мужчин своим восхитительным пением, а затем заманивали и убивали их на берегу. Цирцея превратила спутников Одиссея в свиней. Нимфа Калипсо держала Одиссея на своем острове в течение семи лет и пыталась убедить его жениться на ней, позволив ему уйти только после того, как боги, наконец, убедили ее, что Одиссей никогда не будет ее спутником²³.

Как видим, мифология рассматривала женщину как существо, таящее в себе угрозу. Свою лепту внесли сюда и древнегреческие мыслители, которые также пытались объяснить разницу между мужчиной и женщиной. В частности, писатели гиппократовой школы считали, что

²² Гесиод. Труды и дни, 47.

²³ Blundell. 1999. P. 51.

мужчины и женщины отличаются тем, что женская плоть более пористая и мягкая, и что она быстрее и в больших количествах накапливает влагу в районе живота, нежели мужская²⁴. Менструация была естественным способом избавиться от этого избытка²⁵.

Такие объяснения, возможно, привели к тому, что афиняне увидели в женщинах существ, наделенных пороками, способными принести значительный вред себе и другим, слабым духом и телом, в отличие от мужчин. Многие считали, что молодые девушки несколько диковаты и их трудно контролировать, и что девственницы подвержены галлюцинациям, которые могут побудить их к саморазрушению. Решением этой проблемы стало раннее вступление в брак, ибо только после того, как женщина родила первого ребенка, она может стать собственно женщиной²⁶. По сути же, сама так называемая «диковатость» молодых девушек происходила из решения проблемы – а именно, из-за того, что девушек отдавали замуж практически детьми.

Организовать надлежащий брак для каждой дочери было обязанностью отца. Это было сопряжено с предоставлением приданого и выбором подходящего жениха. Любящий отец, возможно, старался выбрать мужчину, который будет хорошим мужем. Но мы должны помнить, что отец был озабочен не столько поиском мужа для своей дочери, сколько человека, от которого требуется сохранение ойкоса, и в теории, по крайней мере, в древних Афинах, браки организовывались на встрече отцов молодой пары в зависимости от их потребностей и интересов, которых мало заботили мысли жениха и еще меньше волновали пожелания девушки. Многие отцы были больше заинтересованы в расширении бизнеса или создании союза между семьями, чем в поиске доброго и любящего партнера для дочерей. У нас нет возможности узнать, как часто девушка впервые видела своего будущего мужа в день свадьбы или незадолго до этого, но, конечно, среди элиты вполне возможно, что жених и невеста никогда не встречались, не говоря уже о шансе влюбиться и

²⁴ *Hippocrates. Diseases of Women, I.1*

²⁵ *Hippocrates. Regimen, I.34*

²⁶ Ср. мнение Г. Лихта: «Невозможно представить себе почестей высших, чем те, что воздавались женщинам, причисляемым греками к типу женщины-матери. Когда гречанка становилась матерью, она достигала цели своего существования. После этого ее уделом являлись две заботы, выше которых для нее не было ничего: управление домашними делами и воспитание детей... Таким образом, брак для греков был одновременно средством достижения определенной цели – обзаведения законными потомками, которые останутся на земле после смерти родителей, – и способом упорядочить и обустроить домашние дела». См.: *Лихт*. 1995. С. 17.

даже поиске какого-то потенциала для совместимости. Выбор двоюродного брата, отдаленного родственника или близкого друга в качестве жениха, если отец не хотел потери части имущества в качестве приданого, возможно позволял девушке увидеть будущего мужа в семейный праздник или хотя бы слышать упоминание его имени.

Мужчины женились в первый раз в возрасте примерно 30 лет, в то время как девушкам было только четырнадцать или пятнадцать²⁷. Разными причинами руководствовались мужчины при вступлении в брак в таком возрасте: желание закончить военные обязательства перед началом семейной жизни, желание продлить радость холостой жизни так долго, как это возможно, а также нехватка женщин в связи с нежеланием отцов отдавать за ними приданое. Одно дело, когда человек завещал свое имущество после смерти, когда он больше не нуждается в нем, и совсем другое отдать большие деньги дочери, пока он еще жив и нуждается в них, чтобы содержать себя и свой ойкос. Расхождение в возрасте вселяло уверенность, что более опытный человек будет управлять имением и будет больше молодых вдов, ищущих второго и даже третьего мужа.

Нет источника, описывающего типичную афинскую свадьбу, но это можно сделать по упоминаниям о нескольких свадьбах²⁸. Складывается впечатление, что афинский брак был рядом событий, которые происходили в течение определенного периода времени, возможно, даже очень длительного: он включал в себя обручение в присутствии свидетелей, соглашение относительно величины приданого, передача приданого невесты, и, возможно, даже рождение первого ребенка. Конечно, не было никакой записи брачных церемоний, хранящейся в совете или у магистратов. Если вдруг возникал спор относительно подлинности брака, решающее значение имели показания свидетелей.

Наряду с рождением, смертью и рождением первого ребенка, вступление в брак является одним из важнейших событий в жизни человека, и большинство древних обществ отмечали его каким-то особым образом. Публичное празднование давало друзьям, родственникам и соседям возможность признать изменения в отношениях между мужчиной и женщиной и приветствовать их в обществе, как мужа и жену. Церемония, похоже, включала в себя жертвоприношение отцом невесты,

²⁷ Простолюдину, по Гесиоду, лучше жениться в возрасте около тридцати лет, а его избранница должна быть не старше девятнадцати и, разумеется, девственницей. Это ясно показывает, что в ту эпоху в браке было мало поэтического. См.: *Гесиод. Труды и дни*, 519 сл).

²⁸ Подробно свадебные обычаи греков описаны у Г. Лихта, П. Гиро, Ф.Ф. Веллишского. См.: *Лихт*. 1995; *Гиро*. 1994; *Веллишский*. 2000.

срезание локона невесты, ритуальное омовение в священной воде, а затем свадебный пир, когда друзья и родственники собирались в доме невесты, чтобы отпраздновать союз мужа и жены. После заката солнца гости отправлялись в новый дом пары, невеста, жених и лучший друг жениха ехали в колеснице, запряженной мулами или лошадьми. В новом доме невесту встречала мать жениха и провожала ее к очагу, который был центром жизни в любом греческом доме.

Приданое – неотъемлемая частью любого брака в древних Афинах²⁹. Обустройство дома было дорогой операцией, а приданое – вкладом женщины в эти расходы. Хотя приданое дочери было значительно меньше того, что ее брат мог ожидать в наследство, приданое нужно было заплатить заранее, и оно выплачивалось из сбережений, которые могли бы быть использованы для поддержки ойкоса отца. Предоставление щедрого приданого было источником престижа в обществе и полезной уловкой в организации брака, который был больше союзом между семьями и выбором хорошего зятя, нежели поиском подходящего мужа, но все равно оставлял брешь в финансах семьи. Неудивительно, что мужчины не хотели иметь дочерей и готовы были отказаться от тех, которых они считали лишними. Дочери получали значительно меньше богатства своей семьи, чем сыновья, и поэтому могли внести меньший вклад в создание дома в каждом новом поколении. Иногда приданое жены составляло двадцать или более процентов богатства ее мужа, но и оно, как правило, не давало достаточных доходов для покрытия расходов на ведение дома.

Приданое давало гарантию женщине в тех случаях, когда ее муж умирал или разводился с ней и предлагал ей шанс на повторный брак, если она была достаточно молодой. Приданое, кажется, давало жене немного больше власти в отношениях, которые складывались в обществе, где доминируют мужчины. Платон предложил даже отмену приданого на том основании, что это сделает женщин менее высокомерными, а мужчин – менее рабскими. Если ее жизнь становилась невыносимой, женщина могла уехать, вынуждая мужа вернуть приданое. Наконец, приданое являлось стимулом для рождения семьи женщины, сохранения интереса к браку и ее благополучия. Мы должны помнить, однако, что даже если бы не было такого понятия, как потребность в приданом, то, как афиняне рассматривали его, оставляет мало сомнений в том, что жена получала гораздо больше от системы, сложившейся в Афинах, чем муж.

²⁹ Ср. мнение П. Гиро, который считал, что «неправильно думать, что отец был обязан давать что-нибудь дочери при выходе ее замуж; если он это делал, то совершенно добровольно». См.: Гиро. 1994. С. 36.

Вернемся к высказыванию Демосфена, которое во многом обусловило традиционную точку зрения, что афинские мужчины брали себе жен потому, что они были необходимы для рождения и воспитания детей и продолжения общества, но эти самые жены игнорировались мужчинами и вынуждены были проводить время в задней части дома, и только рабыни, блудницы, наложницы и очень бедные женщины могли пользоваться свободой. Другими словами, женщин держали в так называемом «восточном уединении». Это довольно странное выражение подразумевает, что женщины были ограничены конкретными комнатами в своем доме, и им не позволялось никаких контактов ни с кем, особенно с мужчинами, которые не являлись частью семьи³⁰.

Какие существуют основания для того, чтобы считать жизнь греческой женщины «восточным уединением»? Безусловно, экономическая ограниченность оставляла женщин зависимыми от мужчин на протяжении всей своей жизни, и то, что афинские мужчины говорили о женщинах, возможно, дополняет это утверждение, но на самом деле источники не говорят нам вообще ничего об их повседневной жизни. Наивно полагать, что приведенные выше высказывания представителей афинского мужского сообщества отражают глубоко укоренившиеся мнения всего общества. Это могли быть мечты о редко достигаемом идеале, равно как и простое мужское хвастовство³¹. Тот факт, что семейная жизнь является редкой темой в греческой литературе можно трактовать по-разному. Один из вариантов – то, что бы ни случилось в доме, было неважным в рамках всей полисной системы, но это также может быть и то, что это

³⁰ По поводу «восточного уединения» существуют разные мнения в научной литературе. И не все авторы, даже стоящие на чисто маскулинных позициях, относятся к нему однозначно. Приведем мнение П. Гиро: «О положении афинянок говорят иногда, как о положении женщин современного Востока, преувеличивая суровость античных нравов, согласно которым их будто бы держали взаперти в гинекее, как в тюрьме. Заключение соблюдалось строго только по отношению к девушкам; для замужней женщины оно было менее сурово, а в некоторых случаях даже совершенно не применялось. Каковы бы ни были требования обычая, к нарушениям его приходилось относиться терпимо». См.: Гиро. 1994. С. 38. Л.Л. Селиванова относит «восточную замкнутость» греческих женщин к сложившемуся топосу, или научно-мифу. См.: Селиванова. 2007. С. 7.

³¹ Ср.: «Современный человек вправе задаться вопросом, а не чувствовали ли себя греческие девушки и женщины в своем заточении безнадежно несчастными. Ответ может быть только отрицательным. Не будем забывать, что нельзя тосковать о том, чего не знаешь; притом гречанка с такой серьезностью занималась строго ограниченным (но от этого не менее благородным) кругом занятий, проистекавших из ее обязанностей по ведению домашнего хозяйства, что у нее просто не оставалось времени на мучительные раздумья о своем существовании». См.: Лихт. 1995. С. 18.

было слишком важно, чтобы быть просто записанным на бумаге. Надгробия, например, часто содержат эпитафии, в которых выражена значительная привязанность мужчин к умершим женам³².

Миф о «восточном уединении», однако, нашел своих поклонников. Некоторые исследователи даже утверждали, что афинские дома были разделены на две отдельные части – мужскую и женскую³³. Эта точка зрения основана на двух часто цитируемых свидетельствах античных авторов. Первое принадлежит Ксенофону (IV в. до н.э.), где он, описывая афинский дом, говорит, что женская половина дома отделена от мужской запертыми дверями³⁴. Второй текст, написанный в том же веке, принадлежит Лисию, в речи которого муж пытается объяснить, как такое могло случиться, что его жена прелюбодействовала в своем собственном доме без его ведома. Он говорит, что владеет скромным, двухэтажным домом с женскими покоем наверху и мужскими апартаментами внизу. После рождения их ребенка, он отменил это разделение, чтобы жена могла ухаживать за ребенком ночью, не опасаясь падения с лестницы в темноте³⁵. Как видим, свидетельств не так много, но этого оказалось достаточно, чтобы предполагать, что мир женщины был ограничен домом и убедить в том, что женщины жили в «восточном уединении». С другой стороны, Аристофан представляет другое свидетельство – молодожены спали вместе наверху без указания на мужской половине или женской³⁶, и Антифон говорит, что гость размещается на ночь на верхнем этаже³⁷.

Греческие слова «андрий» и «гинекей» условно переводятся как «мужские апартаменты» и «женские апартаменты», но на самом деле мы не знаем, что греки имели в виду под этими двумя словами³⁸. Данные археологии описывают греческий дом следующим образом. Высокие, без всяких украшений стены, с одной или двумя дверьми, и высоко расположенными окнами. Открытый двор предусматривает место для солнца, света и свежего воздуха, а также прямой доступ к большей ча-

³² См., например: Плутарх. Кимон, 4.

³³ «Женщина проводила свои дни в гинеконитисе, под которым подразумеваются все те помещения, что составляли царство женщины. Теперь только спальня и обеденная комната принадлежали равно жене и мужу, до тех, однако, пор, пока к хозяину дома не приходили друзья. В этом случае женщина оставалась на своей половине; жене не могло и в голову прийти присутствовать на пирушке мужа с друзьями, иначе ее бы сочли куртизанкой или любовницей». См.: *Luxm.* 1995. С. 34.

³⁴ *Xenophon.* Oikonomikos 9.5

³⁵ *Lysias.* I, 9-10.

³⁶ *Aristophanes.* Thesmophoriazusaе 481f

³⁷ *Antiphon.* Prosecution for Poisoning.

³⁸ Такого мнения придерживается и Джеймс Томпсон. См.: *Thompson.* 2010.

сти комнат в доме. В небольших домах входная дверь открывалась прямо во двор, и в одну или две крытые комнаты можно было попасть с заднего двора. В больших домах двор оказывался в центре, куда выходили комнаты со всех четырех сторон. Если дом был двухэтажным, то верхние комнаты строились вокруг одной или нескольких стен двора.

Не было комнат, по убранству которых мы могли бы четко разделять их на принадлежащие только женщинам, и поскольку все комнаты выходят в один двор, довольно сложно закрыть определенные части дома, кроме второго этажа, или только в нескольких очень больших домах, где имеется второй двор; равно как и нет археологических свидетельств, подтверждающих это³⁹. В любом случае трудно понять, как женщина может выполнять свои обязанности по управлению домом, если существует значительная часть здания, в доступе к которой ей было отказано. До сегодняшнего дня подлинная суть термина «*gunaikon*» остается загадкой. Когда однажды Сократ привел домой на ужин неожиданного гостя, его сварливая жена в порыве гнева перевернула стол, за которым они сидели⁴⁰. По всем свидетельствам древних авторов, Ксантиппа была той женщиной, с которой было весьма нелегко жить⁴¹, и мы не можем делать какие-либо выводы о типичном супружеском поведении в Афинах на основе ее выходки, но стоит отметить, что Сократ и его гость-мужчина ужинают в той части дома, к которой его жена имела доступ, без намека на отдельные мужские и женские половины.

Сложно также представить, что женщины совсем не посещают друг друга по различным надобностям. Врач описал двадцатилетнюю девушку, страдающую от лихорадки и головной боли, когда она вернулась домой после того, как ее случайно ударили по голове во время игры с другой молодой женщиной. Жертва была более чем достаточно взрослой, чтобы быть замужем. Правда, еще не факт, что она играла на улице и вдали от дома⁴². Аристофан в «Женщинах в народном собрании» приводит любопытный диалог между Блепиром и Проксагорой, в

³⁹ И.Т. Кругликова пишет: «Наиболее нарядной была комната (андрон), предназначенная для мужских собраний и пиров — симпосиев. Пол средней части этой комнаты иногда замаскировался галькой, выложенной в виде орнаментальной мозаики. Вдоль стен устраивали ложа для гостей. Основная жизнь обитателей дома протекала в комнате с очагом, перед которой обычно находился крытый портик. Часть комнат первого этажа отводилась под кладовые, мастерские и жилища рабов. Спальни и женские комнаты размещались на втором этаже». См.: Кругликова. 1984. С. 48. Однако совершенно не понятно, на основании чего сделан такой вывод.

⁴⁰ Xenophon. *Moralia*. On the Control of Anger.

⁴¹ Xenophon, II, 2, 1-14.

⁴² Hippocrates. *Epidemics*, V 50.

котором на вопрос о том, почему Проксагора рано утром ушла из дома и взяла плащ мужа, Проксагора отвечает:

Приятельнице время подошло рожать.

Она за мной послала⁴³.

На что Блепир интересуется, почему Проксагора не отпросилась у него⁴⁴. Причем расспросы Блепира в большей степени обусловлены не тем, что Проксагора ушла из дома без спроса, а тем, что она взяла одежду мужа, и тот был вынужден наряжаться в женскую одежду для отправления по утрам своих естественных надобностей, и был застигнут в таком виде соседом⁴⁵.

Возможно, в переполненном городе искренне заботились о безопасности, по крайней мере, хорошо обеспеченных женщин, и им предписывалось сопровождение раба, чтобы сделать покупки или сходить за водой, но это совершенно не равнозначно запрету покидать пределы дома. Так, например, считают В. Эренберг⁴⁶ и Э. Гомм⁴⁷. Постоянное пребывание дома, возможно, было решением проблемы безопасности для элиты или для тех, кто стремился к тому, чтобы считаться частью элиты, но это было, конечно, непрактично для тех, кто не мог позволить себе раба. Бедные женщины были вынуждены покидать дома для работы, что позволяло им кормиться, и афинские женщины занимались сельским хозяйством, акушерством, продавали свои товары или работали на рынке, а некоторые получали работу в качестве кормилицы⁴⁸. Возможно, запрет был не столько нахождение вне дома, сколько на разговоры с мужчинами, что считалось верным признаком проститутки или гетеры. Либо, как вариант – женщина должна была сообщать, куда она направлялась или отлучалась из дома, и не столько из-за тотального контроля, сколько по причине искренней (либо эгоистичной) заботы о ней со стороны мужчины.

⁴³ Аристофан. Женщины в народном собрании, 527-528.

⁴⁴ Там же. 530.

⁴⁵ Там же. 327-332.

⁴⁶ Ehrenberg. 1946. P. 65-66.

⁴⁷ Gomme. 1937. P. 89-115.

⁴⁸ «Жене богатого гражданина было нетрудно сообразоваться с ним и оставаться в глубине своих покоев; но в малосостоятельных семьях женщине ежеминутно приходилось выходить из дому по надобностям своего хозяйства. Она должна была отправляться на рынок, покупать провизию и нести на себе заботы, обыкновенно возлагаемые на рабов. Иногда случалось даже, что женщины занимались торговлей на агоре. Мать Эвксифея, клиента Демосфена, продавала ленты, а мать Еврипида, как утверждает Аристофан, была торговкой овощами. Однако подобные явления наблюдались редко. Бедность могла заставить некоторых женщин поступать таким образом, но общественное мнение относилось к ним строго и осуждало их». См.: Гиро. 1994. С. 38.

Неслучайно афинский закон требовал, чтобы женщина находилась под контролем и защитой опекуна, который отвечал за ее безопасность и благополучие, и действовал от ее имени в любое время, когда ей нужна связь с внешним миром. В его обязанности, естественно, был включен эффективный контроль над любыми деньгами или имуществом, которым она могла обладать. В детстве она, как правило, находилась под опекой отца, а когда выходила замуж и оставляла свою семью, переехав в дом мужа, то передавалась под его управление и попечительство. Все, чем обладали афинские женщины, принадлежало ее опекуну, и он мог свободно распоряжаться имуществом и деньгами, как хотел. В то же время, он был ответственен за то, чтобы у женщины была пища, одежда и кров, и при необходимости должен был предоставить ей приданое, если женщина была брачного возраста. Если опекун не доживал до выполнения своего обязательства, то его должен был выполнять архонт.

Самостоятельно женщина не может заключить договор или вести финансовые операции на сумму более одного медимна⁴⁹ ячменя⁵⁰, количества, достаточного, может быть, чтобы прокормить семью в течение четырех или пяти дней. Она могла продавать овощи и ремесленные изделия и приобретать предметы ежедневного домашнего обихода, но ничего большего, на что требуется, по крайней мере, теоретически, разрешение ее опекуна. Как строго соблюдалось это правило в реальной жизни, неизвестно. Некоторые гетеры, рожденные от свободных граждан, вероятно, имели значительное богатство, но нигде не упоминается, что они имели опекуна или кого-либо другого для ведения своих финансовых дел.

Хотя женщина не имеет права покупать или продавать, она, безусловно, может владеть, пользоваться и наслаждаться любыми вещами, без верхнего предела их стоимости. Она могла иметь своего личного раба, ювелирные украшения или часть мебели в доме. Мы часто склонны думать, что владелец объекта волен делать с ним все, что он хочет, но даже сегодня это не всегда так. В древнем мире было еще больше форм собственности, и лицо, имевшее право пользоваться имуществом, могло не иметь права продать или завещать его⁵¹.

⁴⁹ Медимн — мера, равная в разный период греческой истории 41-50 литрам.

⁵⁰ *Isaeus*. 10.10

⁵¹ Ср. Мнение П. Гиро: «Женщинам был свойствен еще и другой недостаток. Они обладали часто деспотическим характером; преисполненные гордостью от своей власти, они стремились дать почувствовать ее всем окружающим. Вращаясь почти всегда среди рабов, привыкнув давать им постоянно приказания, бранить их за лень, делать выговоры за их провинности, они иногда не делали различия между господином и слугами и усваивали себе по отношению к нему тот же тон. Все эти недостатки усиливались у наследниц, обогащавших при выходе замуж своих мужей. Придавая

Хотя это было, вероятно, общественное, а не юридическое требование, приданое составляло неотъемлемую часть почти каждого брака в классических Афинах, и богатый человек вряд ли женится на девушке без такового, какой бы желанной она не была во всех других отношениях. Приданое, представляющее долю дочери в имуществе ее отца, как правило, состояло из суммы денежных средств, хотя в бедных семьях приданое состояло из предметов домашнего обихода, и в каждом случае делалась в присутствии свидетелей запись о денежной стоимости приданого, прежде чем оно передавалось жениху. Записанная сумма должна была быть возвращена невесте после развода или смерти. Если в браке рождался сын, вдовец мог держать приданое покойной жены, пока ее сын был недостаточно взрослым, чтобы наследовать его, а если муж умирал, вдова могла вернуться к своей семье со своим приданым, или она и ее приданое могло оставаться с семьей мужа. Если муж или его наследники не смогли или не хотели выплачивать приданое после развода, чем бы это ни было вызвано, ущерб должен был быть оплачен в размере 18 процентов годовых⁵².

Второй путь, которым женщины могли приобретать собственность, это наследство. Дочери обычно получали свою долю отцовского имущества заранее, в виде приданого, оставшееся имущество делилось между сыновьями. Как только человек понимал, что у него никогда не будет сына, он обычно принимал человека, которого собирался взять в качестве мужа своей дочери, и позволял ему пользоваться своим имуществом. Проблема возникала, когда человек умирал, оставив дочь, а не сына и не приемного сына. Дочь становилась логическим наследником, но это создавало серьезные проблемы, поскольку это означало конец отцовской линии и принятие его имущества в другой семье.

Греческое слово ойкос, которое мы обычно переводим как дом, или семья, означает гораздо больше, чем мать, отец и дети. Афиняне также подразумевали под ойкосом фамильный дом и усадьбу. Семья включает земли, дом и всех людей в доме. Смерть главы ойкоса может стать катастрофой, но было много оснований, на которых ойкос должен был продолжаться. Единственный сын возьмет на себя сразу все управление ойкосом. Два или более сыновей потребуют разделения ойкоса и

особенно большое значение состоянию, которое они приносили в дом, они становились еще более высокомерны; такие женщины не забывали и не давали другим забывать, кем они были и чем владели. Мужчины страдали от этих недостатков, но они сами были в них виноваты. Они ограничили деятельность женщины заботами по хозяйству, а женщины, чересчур увлекшись ими, приобрели благодаря этому вздорность характера, от которой им трудно было уберечь себя». См.: Гуро. 1994. С. 40-41.

⁵² *Apollodorus. Against Neaera.*

всего его содержимого, но если нет сына, ойкос придет к краху, и даже одной мысли об этом было достаточно, чтобы стать настоящим кошмаром в древних Афинах. Когда ойкос прекращал свое существование, все его члены теряли свое место в обществе.

По закону женщина не могла наследовать больше, чем ее приданое, чтобы не допустить переход ойкоса в другую семью, но это не предотвращало гибели самого ойкоса. Если умирал глава ойкоса, ближайший родственник—мужчина женился на его дочери, а она могла родить внука, который, в конечном счете, не только наследовал, но и продолжал ойкос деда. Так возникла концепция афинской *epikleros*, или наследницы⁵³.

Для удобства мы обычно переводим *epikleros* как наследница, но буквальное значение этого греческого слова «с собственностью». Если афинянин умирал, не имея сына или приемного сына, его дочь становилась *epikleros*, т.е. человеком, который нес собственность. Она не наследует ее, а становится средством, с помощью которого имущество будет передано кому необходимо, и в результате она будет обязана выйти замуж за ближайшего родственника своего отца. Она передает имущество в доверительное управление до тех пор, пока сын, рожденный в таком браке, не достигнет совершеннолетия, и ойкос ее отца можно будет передать в руки внука. Все дочери принимали это как должное, а поскольку их, как правило, не спрашивали при выборе мужа, *epikleros* был действительно не хуже, чем участь любой молодой афинской женщины, если у нее уже есть муж, и в этом случае она могла предъявить ему претензии и развестись⁵⁴. Родственник, который женился на *epikleros*, должен был управлять недвижимостью только до тех пор, пока сын не достиг зрелости. Сын примет имущество на свое имя, что позволит продолжить ойкос деда, как будто ничего необычного не произошло.

Некоторые родственники считали, что сделка слишком хороша, чтобы отказаться, а другие отвергали из-за ее временного характера, особенно, если они должны были развестись с женой, чтобы жениться на *epikleros*. Если не было родственников, и никто не был готов жениться на ней, *epikleros* могла принять имущество отца и выйти замуж за человека по собственному выбору. Афиняне считали, что выживание ойкоса имеет жизненно важное значение, и каждый гражданин, будь то мужчина или женщина, должен идти на жертвы ради блага общины⁵⁵.

⁵³ Harrison. 1968.

⁵⁴ Isaeus. 3.64

⁵⁵ Выживание ойкоса подразумевало выживание полисного коллектива в целом, ибо одно из требований гражданского культа – поклоняться полисным богам.

Другими словами, в данном случае роль и значение и мужчин и женщин в сохранении ойкоса были равны.

Таким образом, рассмотрев лишь отдельные аспекты жизни женщины в Древней Греции, мы видим, что многие традиционные взгляды на положение женщины являются либо однобокими, либо вырванными из контекста. Гораздо больше свидетельств, говорящих в пользу более высокого положения женщины, дают нам источники по религиозной жизни древних греков, а также сведения о материнстве и детстве, не говоря уже о тех категориях женщин, которые традиционно причисляются к маргинальным слоям, но, тем не менее, играют значимую роль в жизни общества. Применение современных гендерных методов, возможно, позволит дать совершенно иную картину жизни древнегреческой женщины. Задача, стоящая сегодня перед исследователями — не только в применении гендерных подходов (что мы и попытались сделать в рамках данного исследования), но и в использовании гендерных методов к свидетельствам источников, что позволит изменить общий характер трактовки древнегреческого общества, в котором женщина якобы была полностью вычеркнута из общественной, государственной и культурной жизни. Но это тема уже отдельного исследования.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Аристотель*. Риторика. Поэтика / Пер. О. Цыбенко. М.: Лабиринт, 2000. 220 с.
- Аристотель*. Этика. Политика. Риторика. Поэтика. Категории. М.: Литература, 1998. 718 с.
- Аристофан*. Комедии. Пер. с древнегреч. В 2 т. Т. 2. М.: Искусство, 1983. 520 с.
- Гесиод*. Работы и дни. Теогония / Пер. В. Вересаева // Эллинские поэты в переводе В. Вересаева. М.: Госполитиздат, 1963. С. 141–169.
- Гиппократ*. Сочинения / Пер. В. И. Руднева, комм. В. П. Карпова. Кн. 3. М.: Медгиз, 1941. 364 с.
- Гомер*. Илиада / Пер. Н.И. Гнедича; изд. подг. А.И. Зайцев. М.: Художественная литература, 1990. 449 с.
- Гомер*. Одиссея / Пер. В.А. Жуковского; под ред. И.М. Тронского. М.: Московский рабочий, 1985. 350 с.
- Демосфен*. Речи [I–XIX] / Пер., ст. и примеч. С. И. Радцига (Серия «Литературные памятники»). М.: Издательство АН, 1954. 608 с.
- Демосфен*. Речи. // Ораторы Греции: Пер. с древнегреч. / Сост. и науч. подгот. текстов М. Гаспарова; вступ. статья В. Боруховича; коммент. И. Ковалевой и О. Левинской. М.: Художественная литература, 1985. С. 211–282.
- Еврипид*. Трагедии / Пер. И. Анненского и С. Апта. М.: Искусство, 1979. 456 с.
- Ксенофонт*. Воспоминания о Сократе / Пер., ст. и комм. С. И. Соболевского. 2–е изд. (Серия «Памятники философской мысли»). М.: Наука. 1993. 384 с.
- Лисий*. Речи / Пер. С.И. Соболевского. 2–е изд. Предисл. Л. А. Маринович и Г. А. Кошеленко. (Серия «Античная классика»). М.: Ладомир, 1994. 384 с.
- Ораторы Греции*. Составитель М.Л. Гаспаров. М.: Худож. литература, 1985. 496 с.

- Плутарх*. Сравнительные жизнеописания / Пер. С. П. Маркиша, М. Е. Грабарь–Пассек, С. И. Соболевского: В 3 т. М.–Л., 1961–1964.
- Фукидид*. История / Пер. и примеч. Г. А. Стратановского. Отв. ред. Я. М. Боровский (Серия «Литературные памятники»). Л.: Наука, 1981. 543 с.
- Эллинские поэты в переводе В. Вересаева. М.: Госполитиздат, 1963. 404 с.
- Велишский Ф.Ф.* Быт и нравы древних греков и римлян: Пер. с чеш. М.: Эксмо-пресс, 2000. 704 с.
- Вжосек В.* Культура и историческая истина / Пер. с польского К.Ю. Иерусалимской. М.: Кругъ, 2012. 336 с.
- Гиро П.* Частная и общественная жизнь греков: Пер. с фр.; репринт с изд. 1913–1914 гг. М.: НИЦ «Ладомир», 1994. 672 с.
- Кругликова И.Т.* Античная археология. М.: Высшая школа, 1984. 216 с.
- Обидина Ю.С.* Идеал женской красоты в древнегреческой лирике // Материалы VIII научно-практической Интернет-конференции «Гендерные исследования в гуманитарных науках». Й-Ола: Изд-во МарГУ, 2011. С. 117–124.
- Ретина Л.П.* Историческая наука на рубеже XX–XXI вв.: социальные теории и историографическая практика. М.: Кругъ, 2011. 560 с.
- Селиванова Л.Л.* Гендерные исследования в антиковедении // Адам & Ева. Альманах гендерной истории. М.: ИВИ РАН, 2007. №14. С. 7–36.
- Суриков И.Е.* Адам и ... Адам (К вопросу о специфике гендерных ролей в условиях античного полиса) // Адам & Ева. М.: ИВИ РАН, 2006. № 12. С. 23–47.
- Лихт Г.* Сексуальная жизнь в Древней Греции. М.: Крон–Пресс, 1995. 400 с.
- Лосев А.Ф.* Античная мифология в ее историческом развитии. М.: Наука, 1957. 493 с.
- Blundell S.* Women in Ancient Greece. Cambridge, Mass: Harvard Un-ty Press, 1999. 224 p.
- Finch J., Groves D.* A Labour of Love: Women, Work and Caring. London: Routledge and Kegan Paul, 1983.
- Gomme A.W.* Essays in Greek History and Literature. Oxford: Basil Blackwell, 1937. 135 p.
- Graham H.* The Concept of Caring in Feminist Research: The Case of Domestic Service // Sociology. 1991. № 25. P. 61–78.
- Graham H.* Do Her Answers Fit His Questions? Women and the Survey Method // The Public and the Private, ed. by E. Gamarnikow e.a. L., 1983. P. 132–147.
- Harrison A.R.W.* The Law of Athens. The Family and Property. Oxford Clarendon Press., 1968. 390 p.
- Edwards R.* Connecting Method and Epistemology: A White Woman Interviewing Black Women // Women's Studies International Forum. 1990. № 13. P. 477–490.
- Ehrenberg V.* Aspects of the Ancient World. N.Y.: Basil Blackwell, 1946. 256 p.
- Smith D.* The Everyday World as Problematic: A Feminist Sociology. Milton Keynes, England: Open University Press, 1987. 251 p.
- Thompson J. C.* Women in the Ancient World. The status, role and daily life of women in the ancient civilizations of Egypt, Rome, Athens, Israel, Babylonia. B.A., M. Ed., 2010.

Обидина Юлия Сергеевна, доктор философских наук, профессор кафедры всеобщей истории Марийского государственного университета; basiley@mail.ru